

Отзыв

официального оппонента на диссертацию

Ольги Вячеславовны Павленко

«Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов (1830-е гг. — 1914 г.)»,
представленную на соискание степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. — Всеобщая история (Новое время).

Диссертационное исследование О.В. Павленко посвящено славянскому фактору в идеологии и внешней политике двух континентальных империй — Российской и Габсбургской (формально в изучаемый период именовавшейся «Австрийская империя» и «Австро-Венгерская монархия»). О возможности и насущной необходимости сравнительного анализа их социальной структуры, моделей экономического развития, национальной политики, внешней политики, правящих домов, дворов, властных и профессиональных элит, армий, образовательных систем, наконец, политики памяти сказано и написано очень много. Между тем, полноценных компаративистских исследований в распоряжении современного историка крайне мало. Это объясняется масштабом задач, необходимостью обладать колоссальной эрудицией и широким теоретическим кругозором, позволяющим ориентироваться в источниках, историографических школах, методологических подходах, владеть не несколькими, а многими иностранными языками и т. д. Уже сам объем выносимого на обсуждение диссертационного исследования, репрезентативная источниковая база, детальная, многоуровневая проработка историографии говорят о том, что автор в начале долгого пути отдавала себе отчет в сложности избранной темы и соотнесла масштаб задач с объемом запланированного труда.

С первых страниц диссертации не покидает ощущение, что всю научную жизнь автор шел к написанию этого диссертационного исследования: опыт и знания, полученные при работе над кандидатской диссертацией, в

ходе научных стажировок, в процессе участия в исследовательских проектах, преподавания и разработки учебных курсов — все это отразилось и на широте замысла, и на масштабе его воплощения, вплоть до воссоздания фактографической канвы изучаемых событий. Хотя налицо некоторая диспропорция в проработанности отдельных сюжетов, что является следствием включения в диссертацию более ранних текстов-кейсов, все-таки конечная цель анализа нескольких параллельных нарративов (эволюция континентальных империй и их ответы на вызовы долгого XIX века; развитие национальных идей у славянских народов и оформление идей о славянстве как общности; двусторонние российско-австрийские, австрийско-российские отношения) автором достигнута. Перед читателем впечатляющая история двух континентальных империй от периода из союза на анахроничных принципах легитимизма в 1830-е годы до краха классического либерализма и консерватизма, как перед вызовами национальных движений, так и в горниле Великой войны.

Верхняя хронологическая граница — это эпоха «Священного союза», новый этап сближения Вены и Санкт-Петербурга после зигзагообразного и не лишённого драматизма развития двусторонних отношений в годы Наполеоновских войн. Автор убедительно показывает, как правители полиэтничных и поликонфессиональных империй с разным запасом и опытом договороспособности (будь то элиты, население или контрагенты на международной арене) и неодинаковым по набору и эффективности арсеналом практических решений межэтнических и межрелигиозных конфликтов подошли к эпохе громких претензий европейских национально-либеральных движений на примат принципа национальности в международных отношениях и ширившейся популярности идей верховенства закона, разделения независимых ветвей власти, конституционного порядка и ответственных перед всеобщими парламентами правительств.

Не могу не вернуться к давней теме наших с диссертантом споров: следует ли источники делить на опубликованные и неопубликованные, или

вне зависимости от этого обстоятельства — характеризовать их по группам в зависимости от происхождения, авторства, содержания и пр. Что меняется в нашем анализе текста, оттого что донесение того или иного послания, хранящееся в некоем архиве, оказывается опубликованным в сборнике документов? По-разному ли мы работаем с опубликованной и неопубликованной частной или семейной перепиской? Объем использованных архивных и опубликованных источников не просто велик, он колоссален, при этом не остается мертвым грузом на страницах введения, а «работает» в основном «теле» диссертации. Не было необходимости подчеркивать новаторский характер диссертации за счет выделения архивных документов в отдельный раздел. Новизна куда очевиднее в сочетании и комплексном анализе источников. При всем уважении к праву автора построить источниковедческий раздел так, как она это сделала, выскажу предположение, что работа только бы выиграла от того, что читателя познакомили с жанровым своеобразием всех использованных источников, отмечая архивные коллекции внутри единой типологии.

Историографический обзор в Главе 1 просторен и четко структурирован. Периодизация логична, вывод о синтезе политической и культурной истории в новейших исследованиях убедителен. Возможно, сюда можно было бы добавить социальную историю. Результаты и выводы изучения социальных структур нашли отражение в т. IX «Истории Габсбургской монархии 1848–1918» под редакцией Ульрике Хармат (2010 г.). К удачам и достоинствам историографического раздела можно отнести характеристику отечественных научных центров, где сформировались научные школы или, за отсутствием условий для создания и сохранения таковых, трудились и трудятся ученые-подвижники (МГУ, ИВИ РАН, ИСл РАН, РГГУ, Ставропольский и Тамбовский университеты и др.). Подходя к новейшей историографии, диссертант знакомит читателя с трудами классика истории Австро-Венгрии Хельмута Румплера, автора пионерских исследований в области изучения культурного пространства Австро-Венгрии историка культуры

Морица Чаки, ведущего специалиста по культурному ландшафту монархии искусствоведа Вернера Телеско. Упомянут в диссертации и уникальный в своем роде литературовед-славист Гертрауд Маринелли-Кёниг, которая не одно десятилетие работала над мегапроектом, систематизирующим упоминания о славянских народах в венской прессе предмартовского периода. Среди австрийских историков, несомненно, большего внимания заслуживал бы Хорст Хазельштайнер — знаток Балкан и южнославянского фактора в истории Австро-Венгрии.

Что касается трудов российских историков, в том числе учителей диссертанта в МГУ и моих/наших учителей в Институте славяноведения РАН, как и в целом параграфов, посвященных истории монархии/империи Габсбургов и подвластных ей народов, можно лишь высказать слова восхищения и благодарности за то, сколь скрупулезно собран и проанализирован историографический материал, живо соотнесенный с аналогичными или отличными процессами в Европе и Новом Свете. Работы Л.П. Лаптевой, Т.М. Исламова, В.И. Фрейдзона, В.А. Дьякова, В.Н. Виноградова, М.Ю. Досталь и др. послужили солидной основой для диссертации, дали возможность с высоты прошедших лет взглянуть на теорию наций с полной и неполной структурой, Балканы в силовых полях российской, австрийской и британской политики или на развитие, сосуществование, столкновения совокупности «славизмов».

Глава 2, посвященная зарождению панславизма, артикуляции славянского вопроса и тернистой дружбе никогда не забывавших о внутреннем соперничестве дворов Санкт-Петербурга и Вены, важна для понимания перехода от домодерных представлений о власти от Бога, нации как органическом единстве, рыцарственных обязательствах монархов друг перед другом, к Европе революций, легитимирующих современные нации, политической повестке буржуазной эпохи, национализмов, которые изобретают нации. Отмечу, возможно, второстепенный, но в моем понимании важный момент, на который современные российские историки дают разные ответы. Я имею в

виду дихотомию «богемский» / «чешский». Диссертант убедительно показывает, как из богемской сословной нации, где этнические чехи составляли меньшинство, а лояльность конструировалась вокруг исключительно католичества и иноземного правящего дома, на территории средневекового королевства Богемии, из истории, в которой этническая компонента возникала лишь спорадически в трудах отдельных мыслителей гуситского и постгуситского периодов, рождается современная чешская нация, сосуществуя достаточно продолжительное время с богемским концептом-антагонистом. В этом и в целом ряде аналогичных моментов, когда нужно отступить от закрепившейся в отечественном славяноведении телеологического спрямления сложного явления, диссертант, опираясь на современную австрийскую, чешскую, англосаксонскую историографию, показывает его во всей многослойности и нелинейности.

Глава 3 вводит понятие «имперской нации», выросшей из универсалистских концепций раннего Нового времени и выкристаллизовавшейся в противостоянии растущему напору современных мононациональных концептов и ирредентистских (следовательно, разрушительных для полиэтничных империй с их историческими границами) движений. Крымская война, в которой Россия противостояла коалиции с участием бывших союзников, стала катализатором процесса превращения русского имперского национализма в национальный проект империи. В 1860-е гг. в Австро-Венгрии и в России славянский фактор по-разному, но находился в центре жарких политических дискуссий: в австрийском обществе возобладали разные теории славянской взаимности, которые объединяли симпатии к Австрии и страх перед Россией как источником внешней угрозы, в России же чувство и потребность в славянской взаимности принимали удивительный для властей размах, требуя выхода в общественно значимых культурных инициативах, подобных анализируемому диссертантом Славянскому съезду

В Главе 4 рассматриваются ход и итоги противостояния России и Австро-Венгрии в Восточном вопросе. Тема, сформулированная, развитая и

рассмотренная в десятках диссертаций, и по-прежнему неисчерпаемая и с точки зрения источниковой базы, и в контексте многопланового развития отдельных, нередко противоречащих друг другу национальных историографических нарративов. Диссертанту удалось, не вдаваясь в ненужный пересказ известных деталей, сосредоточиться на главном — болезненном отдалении России и Австро-Венгрии, которые при всем прагматичном желании к созданию альянсов и блоков со всем большей подозрительностью относились к экспансионистским устремлениям друг друга. Можно сказать, что идеально-типические славяне, с которыми отождествляло себя русское общество, для помощи которым создавало благотворительные организации, а отдельные представители были готовы отдавать жизнь за поработанных братьев славян на Балканах, существовали отдельно от своих реальных прототипов: консолидировавшихся вокруг более близкой и понятной им Австрии или лавировавших, как пишет диссертант, между крупными игроками европейской дипломатии.

Не может не вызвать особого интереса Глава 5, посвященная символическому воплощению возвышенных чувств и идеалов, связанных как с имперским пространством в целом, так и отдельными народами, счастливыми под скипетром монарха. Искусство становилось средством и формой не только художественных, но и политических, патриотических и национальных высказываний и манифестаций. Репрезентация власти, весьма помпезная по форме и сути, тиражировалась в публичном пространстве в виде монументальной пропаганды. Эстетизация имперскости имела стилевые и локально-специфические отличия, но, как справедливо отмечает диссертант, обнаруживала много общего в обеих империях.

Глава 6, закрывающаяся нижней границей исследования — 1914 годом, подводит итог эпохе «славизмов», большинство из которых не выдержали испытания временем. Ожидания крупного европейского вооруженного конфликта, подготовка к большой войне сопровождалась поляризацией общества, консолидацией вокруг понятных символов, размежеванием

с бывшими союзниками и ксенофобией по отношению к тем, с кем еще вчера был мыслим диалог.

Соглашусь с позициями, по которым автор считает свое исследование новаторским: это и обширная, ранее не рассматривавшаяся в рамках одной работы источниковая база, и перекрестный анализ основных векторов развития историографических школ Европы и Нового света. Но в первую очередь, при всей важности комплексного изучения славянского фактора как идеологии и практики, это противостояние, соперничество, вынужденное сотрудничество и вновь столкновение (идейное, дипломатическое, а за пределами изучаемой эпохи и военное) двух моделей имперской организации пространства, властных институтов, подвластных территорий, проживающих на них народов и идеологического оформления полиэтничных государств Нового времени — антиподов, обреченных до последних дней существования на диалог. В итоге мы имеем «кардиограмму» российско-австрийских и австрийско-российских (бифокальность сопровождает все исследование и относится к его несомненным достоинствам), с их подъемами и спадами, в основе которых если не всегда, то почти всегда находился славянский фактор разного конкретно-исторического содержания.

В историографическом обзоре и в самой диссертации чувствуется «чешский» уклон, отражающий область основных интересов диссертанта. Ни в тексте диссертации, ни в библиографии не нашлось места ни работам классика венгерской исторической науки второй половины XX в. Эмиля Нидерхаузера, статьи которого доступны на английском, немецком и русском языках, ни авторитетному специалисту «старой генерации» по международным отношениям Ференцу Пёлёшкеи, также переведенного на немецкий язык, ни недавно скончавшемуся в США историку венгерского происхождения Иштвану Деаку, чьи книги о конституционном характере венгерской революции 1848 г. или австро-венгерской армии и модерном национализме остаются непревзойденными по сей день. Описание Венгерской кампании

русской армии в рамках параграфа о «сближении Вены и Санкт-Петербурга» на рубеже 1840–1850-х годов обошлось без ссылок на статьи на русском языке крупнейшего венгерского специалиста по данному кругу вопросов Илдико Рошонци.

Добавление венгерского вектора, пусть и пунктирного, несомненно обогатило бы работу пониманием глубины и не известной неразрешимости славянского вопроса. Венгерский либерализм, такой же «эксклюзивный», используя термин Питера Джадсона, как и австрийский, не терпел этнонациональных нюансов, но и не захлопывал дверь перед немадьярскими народами, готовыми принять концепцию политической венгерской нации и (что было сложнее) ее лидирующую роль в процессе общественных преобразований. И взоры славян, от чехов до русин, в сторону России изучаемого периода, и дискуссии вокруг необходимости аннексии Боснии и Герцеговины в Австро-Венгрию стали бы сложнее, но понятнее, если бы учитывались такие явления, касавшиеся значительной части славян под скипетром Габсбургов, как пресловутая мадьяризация, не говоря уже о формировании современного венгерского (не мадьярского!) национализма и написании конкурировавших со славянскими либерального и консервативного нарратива тысячелетней венгерской истории.

В исследовании на полтысячи страниц трудно обойтись без опечаток, небрежностей и досадных ошибок. Укажу лишь на то, что вымышленное государство, пародировавшее Австро-Венгерскую монархию, называлось не «Кокания», а «Какания», соединяя две латинские буквы «К» («ка»), от, как верно пишет автор, прилагательных «*kaiserlich-*» и «*königlich-*».

Автореферат отражает содержание диссертации и имеет ту же структуру. Внутри наблюдается некоторая диспропорция между отдельными частями, например, собственно, главам диссертации посвящено от силы 2 стр. из 39, в то время как основное место уделено более детальному освещению степени изученности вопроса и новизне авторских походов, выносимым на

защиту положениям и выводам. Представляется, что аргументация внутри отдельных глав тоже заслуживала бы более развернутой репрезентации.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что диссертация представляет собой самостоятельное, детальное, логически законченное квалифицированное исследование, соответствующее требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук в п. 9 положения «О порядке присуждения ученых степеней» в постановлении Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г. Выводы диссертанта основаны на анализе славянского фактора на протяжении более чем трех четвертей столетия австрийско-российских отношений и имеют научно-теоретическое и практическое значение для специалистов по Новой истории Европы и России. Автор диссертации заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. — Всеобщая история (Новое время).

2 февраля 2023 г.

Заместитель директора ФГБУН

Институт славяноведения РАН,

д.и.н., проф. РАН

О.В. Хаванова

Хаванова Ольга Владимировна,

119334, г. Москва, Ленинский пр. 32а,

корп. «В», комн. 803.

тел.: +7-495-938-18-94

khavanova@inslav.ru

Подпись О.В. Хавановой удостоверяю

ВЕРНО:

Заведующая кадрами

Ирина Луренная

"02" февраля 2023 г.